
ПРОРОЧЕСТВО
ПАЛАДИНА

Марк
Фрост

ПРОРОЧЕСТВО ПАЛАДИНА

НЕГОДЯЙКА

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф92

Mark Frost

THE PALADIN PROPHECY: ROGUE

Copyright © 2015 by Mark Frost

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке А. Дубовика

Фрост, Марк.
Ф92 Пророчество Паладина. Негодяйка / Марк Фрост ; [пер. с англ. А. Грузберг]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-093898-8

Уилл и его друзья, наделенные сверхчеловеческими способностями, планируют самоубийственную вылазку в Небытие, чтобы предотвратить вторжение адских монстров на Землю и сорвать планы зловещих «Рыцарей Карла Великого». Их игра на грани, а на пути — чудовищные порождения Творцов. Но помимо генномодифицированных мутантов Уиллу противостоит та, которую он считал достойной доверия и любви.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Грузберг А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-093898-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Моему сыну Тревису

ОДИН

ЖИТЕЙСКАЯ ЗАПОВЕДЬ УИЛЛА № 1: ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СОХРАНИТЬ ТАЙНУ, НИКОМУ НЕ ГОВОРИ

— Пробовал когда-нибудь шампанское, Уилл?

— Не могу сказать, что пробовал, нет, сэр.

Франклин Гринвуд сделал знак своему дворецкому Лемюэлю Клеггу, и тот отправил одного из ливрейных лакеев, стоявшего с открытой бутылкой, к Уиллу.

— Один глоток, — сказал Франклин, наклонился к внуку, сидевшему слева от него, и подмигнул. — Ведь нам есть что отпраздновать.

— Верно, сэр, — сказал Уилл.

Когда официант убрал бутылку, Уилл посмотрел, как переливается хрустальная жидкость на дне бокала. Подражая деду, он поднял бокал и коснулся бокала Франклина.

— За Пророчество, — сказал Франклин.

— За Пророчество, — повторил Уилл.

Он сделал глоток и поморщился — пузырьки в шипучем напитке кусались. Франклин одним

глотком осушил свой бокал и протянул его за новой порцией. Слуга, который держал бутылку, поспешил наполнить бокал, внешне нисколько не торопясь.

— Не могу выразить, Уилл, какую радость принесли мне последние месяцы. Никогда мне ничего не хотелось больше, чем разделить со своей семьей блаженство, которого я с таким трудом добивался. И, как ты знаешь, уже очень давно я перестал воображать, что это когда-нибудь будет возможно.

Уилл сочувственно кивнул, заставил себя сделать еще один маленький глоток ледяной жидкости и поставил бокал, надеясь, что ему удастся не допить остальное.

— Я чувствую то же самое.

— Уилл, время, которое мы провели вместе, значило для меня невыразимо много. Твоя готовность слушать и учиться не осуждая, твое положительное отношение к нашей цели... — Франклин наклонился и накрыл руку Уилла своей холодной ладонью. — Но знаешь, что доставило мне особую радость? Возможность стать свидетелем твоих расцветающих способностей.

— Спасибо, сэр.

— Не могу представить себе, как это можно было бы оценить. Это бесценное сокровище. После бесконечных разочарований в личной жизни я на такое и не надеялся.

— Я тоже. — Уилл выдержал его взгляд и застенчиво улыбнулся. — Дедушка?

— Да, Уилл.

— Ты говорил, что, поскольку нам предстоит лучше узнать друг друга, больше всего тебе хочется завоевать мое доверие.

— Это по-прежнему значит для меня больше, чем можно выразить в словах...

У Франклина перехватило горло; обуреваемый чувствами, он закашлялся. В затуманенных голубых глазах появились слезы. Он залпом проглотил вторые полбокала шампанского, достал из кармана своей ярко-голубой фланелевой спортивной куртки носовой платок и вытер глаза.

— Не надо ничего говорить, дедушка. Надеюсь только, благодаря всему, что ты видел и слышал от меня за последние недели, я заслужил твое доверие.

— Да, конечно. — Франклин сложил платок, спрятал его в карман и ласково улыбнулся. — Как мне доказать это тебе, Уилл?

— Думаю, я готов выслушать всю историю.

Франклин обдумал его просьбу, прожевал последний кусок стейка из спины японской коровы, откормленной соей, оттолкнул тарелку — другой слуга мгновенно подхватил ее и унес, — дотянулся и потрепал Уилла по руке.

— Давай прогуляемся, — сказал Франклин.

Они вышли из старого, темного от времени и непогоды замка через боковую дверь, которой Уилл раньше не замечал, и очутились в восточной, наименее освоенной части острова. Позднее летнее солнце низко висело в небе, тени к вечеру удлинились. Франклин пошел по аккуратной, посыпанной гравием дорожке через ухоженный сад. Уилл держался рядом со стариком, шедшим размашистым ровным шагом.

— Я вырос на этом острове, — говорил Франклин, на ходу осматриваясь. — Мои самые ранние воспоминания связаны с этим местом, с этими деревьями, запахами, водой, великолепными видами.

— Ты здесь родился? — спросил Уилл.

— Поблизости, — ответил Франклин, неопределенно показывая в сторону материка. — Отец ос-

новал Центр за несколько лет до моего рождения; я сделал первый вдох в маленькой школьной больнице, которая была частью нашего первого кампуса. Сейчас все это, конечно, исчезло. К тому времени как я начал ходить, отец купил у семьи Корниш Крэг и этот остров. Все связанное с пророчеством и нашей семьей начинается с Иена Корниша.

— Корниш приехал в Висконсин после Гражданской войны?

Франклин потрепал Уилла по руке.

— Так ты заметил это?

— Я подумал, ты именно поэтому хочешь, чтобы я просмотрел там старые файлы, — сказал Уилл, кивком указывая на старую башню, возвышающуюся над восточной стеной замка. — Узнал о Центре и о фамильном древе Гринвудов.

Глядя на окна башни, Уилл поднял за спиной старика два пальца очень быстро, чтобы дедушка не увидел.

— Совершенно верно, мой мальчик. Как тебе известно, Иен Корниш разрабатывал и производил пушки, ружья и боеприпасы и к концу войны нажил большое состояние. Но в последний месяц войны он потерял старшего сына, и это стало для него тяжелым ударом. Он уехал из Новой Англии и поселился здесь, чужак в этой части страны, полубезумный от горя. Чтобы отвлечься от него, все свое состояние Корниш пустил на лихорадочную работу.

— Чего он хотел добиться?

— В дневнике Корниш пишет, что его преследуют беспокойные души людей, убитых его оружием; легионы мертвецов приходят к нему по ночам, и их ведет дух его сына. Иен верил, что эти души наставляют его: что построить здесь... и что выкапывать из-под земли. И единственным способом

обрести душевный покой для него было выполнять эти указания.

— Поэтому он ушел вниз, в туннели.

Они миновали маленькое семейное кладбище, которое Уилл заметил во время прежнего посещения, кладбище его семьи, Гринвудов; надгробие человека, шедшего рядом с ним, Франклина Гринвуда, стояло под каменной статуей крылатого ангела, воздевшего меч к небу.

— Да, что-то его звало, — сказал Франклин. — Но не призраки мертвых солдат, должен сказать, не только они.

— И он начал раскопки.

— Расширяя существовавшую ранее систему туннелей и пещер под островом, он углублялся все больше. Хотел найти то, что, как сулили ему видения, ждало его внизу. Нечто такое, что принесет ему искупление грехов и облегчит его вечное горе.

— И он это нашел, — сказал Уилл. — В забытом городе под землей.

— Странными бывают обычаи и верования людей, — сказал Франклин. — Но порой, когда рассудок надломлен, — а я считаю, что именно это произошло с бедным Иеном Корнишем, — приходишь к величайшим истинам. Как с Кахокией.

Франклин остановился перед маленьким каменным мавзолеем, чтобы отдышаться.

— Хотя кажется очевидным, что последние из древних цивилизаций погибли или были изгнаны из родных мест тысячи лет назад, — сказал Франклин, — в забытом городе сохранились некоторые их следы, осколки их сознания, я полагаю, воплощенные в нескольких ценнейших оставленных ими объектах.

— То, что они называли афотической технологией.

Франклин восторженно посмотрел на него:

— Ты не перестаешь удивлять меня, Уилл. Ты по-настоящему вгрызся в мои исследования.

— Ты сам говоришь, дедушка, не останавливайся на полпути, — пожал плечами Уилл. — Что за объекты?

— Я перейду к этому, но попомни мои слова, — сказал Франклин, поднимая палец. — За то, что он вернул человечеству, Иена Корниша когда-нибудь станут вспоминать как одного из самых отважных исследователей, не менее значимого для истории человечества, чем Галилей, Христофор Колумб или те, кто расщепил атом.

Франклин достал из кармана небольшой черный прибор и направил его на каменное здание перед ними. Резные двери, которые казались чисто декоративными, повернулись на невидимых петлях и со скрежетом камня о камень распахнулись.

Франклин снова нажал на прибор. Внутри дверей разъехались в стороны панели из нержавеющей стали, явив кабину большого современного лифта.

— Позволь показать кое-что, — сказал Франклин, указывая на кабину.

Уилл вошел, Франклин за ним. Он нажал несколько кнопок на панели на боковой стенке кабины. Глядя через плечо деда, Уилл видел последовательность вводимых цифр. Наружная дверь лифта закрылась, стальные панели сдвинулись. Уилл почувствовал толчок сжатого воздуха. Они начали спускаться, постепенно разгоняясь.

«Это наземный вход в тот самый лифт, который мы обнаружили в больнице в миле отсюда», — понял Уилл.

— Если то, что нашел Корниш, так важно, почему он никому об этом не рассказывал? — спросил Уилл.

— Да как же — рассказывал, — ответил Франклин. — В Новой Англии у Корниша было много влиятельных друзей. Главными среди них оказались члены того, что казалось общественным или академическим клубом в Бостоне. Очень важные люди, столпы тамошнего общества, творцы истории, все — участники объединения, основанного на традициях и культуре, возникших у колыбели свободы и вольности в первые годы Америки.

Но на самом деле эта организация была гораздо старше, чем подозревал Иен, ее история восходила к правящим классам и монархиям Западной Европы, за столетия до открытия нашего материка.

Старик достал из кармана старомодный ключ и держал его на раскрытой ладони. Ключ казался скорее церемониальным, чем имеющим практическое применение. На фарфоровой табличке Уилл увидел символ из трех букв, переплетенных с линейкой и компасом, и сразу узнал этот символ.

— «Рыцари Карла Великого», — сказал Уилл.

— Совершенно верно. Едва он рассказал о своем открытии коллегам на Востоке, те чрезвычайно заинтересовались и стали поддерживать труды Корниша. Несколько лет спустя, когда его умственное состояние резко ухудшилось, исследования Кахокии продолжались под их руководством. Видишь, как все совпадает, Уилл?

— Да, сэр.

— Старший сын Иена Корниша погиб в Гражданскую войну, но у него был еще один сын, слишком юный, чтобы участвовать в войне, и он с самого начала знал о Кахокии. Корниш посвятил его в «Ры-

цари», и он сопровождал отца, когда тот впервые поехал на Запад. Этот единственный выживший сын Иена Корниша сыграл ключевую роль, когда предприятие налаживало работу. Бедный Иен в конце концов утратил последние связи с реальностью и сам оборвал свою жизнь, и тогда этот надежный молодой человек, Лемюэль Корниш, был назначен своими собратьями-рыцарями ответственным за продолжение великого труда и сохранение отцовского наследия.

Лемюэль.

— Необычное имя, — сказал Уилл.

— Не для девятнадцатого века, — ответил Франклин, глядя вверх, на стены. — Я, конечно, его знал. Как и мой отец. Лемюэль Корниш продал нам свое поместье, ставшее к тому времени школой. Но он не рассказал отцу всего, что знал, приберет это для меня.

— Почему?

— Томас Гринвуд, мой отец и твой прадед, был человеком разносторонним. Он обладал весьма развитым воображением и был прирожденным лидером, а в области просвещения — подлинным пророком. И еще он был... Как бы это выразиться? — Франклин посмотрел на потолок. — Ты знаешь, что я прав, отец: ты неудержимо насаждал благонравие.

Уилл не мог сдержать смех.

— Что это значит?

— Томас не мог видеть язычника без того, чтобы не попытаться его обратить, пропащего, кому не попробовал бы помочь, грешника, которого не заставил бы раскаяться. Доброта, всегда Доброта — с прописной буквы. Аккуратно деля все человеческое бытие на черное и белое, мой отец считал, что,

вооружившись своей несокрушимой верой, всегда сумеет найти различие.

Уилл почувствовал, как лифт слегка задрожал, еле заметно начиная сбавлять скорость.

— Неправильно то, мой дорогой мальчик, — сказал Франклин, отвечая на взгляд Уилла своим, сдержанным, но укоризненным, — что столь примитивная, упрощенная, детская, смею сказать, философия не учитывает все серое, все промежуточное, ту область, в которой люди действительно учатся думать самостоятельно и жить по собственным заповедям.

Лифт остановился, и панели перед Уиллом неслышно раздвинулись.

— Именно там происходит все самое интересное, — сказал Франклин.

— Где Уилл? — спросила Брук, едва войдя в номер.

Ник посмотрел на нее, оторвавшись от своих трехсот отжиманий.

— Снова ужинает со стариком Элиотом.

Ник вскочил, обтерся полотенцем, взбудораженный, потный, улыбаясь так, словно ничего не мог с собой поделать. Он и правда не мог. Брук, как всегда, не прилагая к тому ни малейших усилий, выглядела безупречно: одежда, аксессуары, прическа, немного косметики — все в ней казалось совершенством.

— Он проводит там ужасно много времени. — Брук поставила рюкзак на стул, взяла ежедневник и начала перелистывать его, рассеянно теребя прядь своих золотых волос. — А Аджай?

— Тоже еще на Крэге, работает допоздна, разбирает старые как их там... архивы.